

ПОЕХАЛИ!

3 СЕНТЯБРЯ ПРОЕКТ «ЗНАЙ НАШИХ – ЧИТАЙ НАШИХ» СТАРТОВАЛ В МАСШТАБЕ ВСЕЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ НА СРЕДСТВА ГРАНТА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Первая поездка томских писателей Александра Казаркина, Владимира Костина и Дмитрия Барчука состоялась в районы Причумылья.

В музее села Тегульдет на читательской конференции собралось 62 учащихся райцентра и ближних к нему сел. Писатели презентовали серию «Томская классика» и подарили 8 комплектов 14-томника для каждой школьной библиотеки. А. Казаркин, В. Костин и Д. Барчук также подробно рассказали ребятам о проекте «Знай наших – читай наших», предложили выбрать темы вебинаров по творчеству полюбившегося писателя из книжной серии и призвали школьников принять активное участие в творческих конкурсах проекта. А лауреаты конкурсов автоматически станут членами клуба любителей «Томской классики». Такой план работы был активно поддержан педагогами, учителями русского языка и литературы.

В селе Первомайское читательская конференция проходила в актовом здании районной школы искусств (бывшем райкоме КПСС). В ней приняли участие 57 учащихся района, которые увезли с собой в родные школы 12 комплектов «Томской классики» - подарок томских писателей.

Актовый зал Зырянской общеобразовательной школы 4 сентября в 15 часов был заполнен до отказа, свободных мест не было, некоторым педагогам даже пришлось стоять на протя-

жении всей конференции. Всего на ней присутствовало 136 человек. Неформальный диалог учащихся и учителей с писателями вылился в живую и содержательную беседу. Включение «литературного краеведения» в программу дополнительного образования большинство сочли необходимым. А наличие теперь в каждой из 10 школьных библиотек района «своей» «Томской классики» будет хорошим подспорьем в этом начинании.

В Асиновском районе и городе Асино совместная конференция проходила в актовом зале городской администрации. Местное телевидение сняло сюжет об этом мероприятии для городских новостей. На читательской конференции было 129 учащихся из всех школ района, и 15 комплектов четырнадцатитомника отправились в школьные библиотеки.

Маршрут по Причумылью проходил через три детских дома – центра помощи детям, оставшихся без попечения родителей: «Родник» (село Чердаты), Зырянского и Асиновского районов. Александр Казаркин и Владимир Костин провели в них обзорные уроки литературного краеведения по «Томской классике» и подарили ребятам из каждого центра по комплекту бесценных книг. Уроки посетил 61 воспитанник (12 – в Чердатах, 26 – в Зырянском и 23 – в Асино).

А в общей сложности мероприятия проекта в Причумылье посетили 445 человек.

НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕМ...

ЛИТЕРАТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЗНАЙ НАШИХ - ЧИТАЙ НАШИХ», ПОДДЕРЖАННЫЙ ФОНДОМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ, СТАРТОВАЛ В САМОМ СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ – АЛЕКСАНДРОВСКОМ

Просторный конференц-зал школы №7 Стрежевого собрал более 200 старшеклассников из всех девяти школ города. Школьники узнали, насколько богато литературное наследие томичей. Были подробно представлены все 14 томов томской классики, а сами книги подарены всем школьным библиотекам.

Предложение – создать в школах Клубы любителей томской классики и участвовать в конкурсе «Знай наших – читай наших» – было поддержано учениками и учителями. Местное телевидение подготовило сюжет для новостной программы.

Помимо выступлений писателей Вениамина Колыхалова и Геннадий Скарлыгина, интересно представивших творчество наших классиков XIX и XX веков, исполнил свои талантливые произведения на стихи томских поэтов композитор и вокалист Андрей Груздев. Директор областного Дома искусств Ольга Ильина рассказала о совместных проектах Дома искусств и творческих союзов и о том, как создавался и отработывался в 25 школах Томска проект «Знай наших - читай наших». Вечером в центральной библиотеке города состоялся концерт под общим названием «День искусств в Стрежевом». Библиотеке были подарены журнал писателей «Начало века» и книги. В этот же день поэты Вениамин Колыхалов и Геннадий Скарлыгин еще провели мастер-класс с начинающими поэтами и прозаиками «нефтеграда».

В актовом зале Александровской общеобразовательной школы собралось 120 учеников, с большим интересом послушавших выступление гостей из Томска. Семь комплектов «Томской классики» – писательский подарок – ребята увезли в свои школьные библиотеки. А перед расставанием участники конференции договорились – продолжить начатую работу по литературному краеведению: в режиме интернет-конференций и вебинаров по творчеству писателей из подаренной серии, на странице «Клуб любителей томской классики» сайта tompisatel.ru и, конечно, в семи номинациях конкурса «Знай наших – читай наших», в котором юные александровцы пообещали принять активное участие.

«ТОМСКАЯ КЛАССИКА» В СЕВЕРСКЕ

В управлении образования ЗАТО Северск к реализации проекта «Знай наших – читай наших», поддержанного Фондом президентских грантов, подошли основательно. Совместно с областной писательской организацией, руководством Дом искусств был разработан детальный план мероприятий до конца 2018 года.

По понедельникам, средам и пятницам в 14 часов к Дому искусств подъезжает автобус со школьниками из одной школы закрытого города. Ребят в сопровождении педагогов (а это, как правило, – учителя русского языка и литературы) встречает известный писатель. Вениамин Колыхалов, Александр Казаркин, Николай Серебрянников, Владимир Костин, Николай Хоничев. Вначале он проводит ребят по старинной усадьбе писателя Вячеслава Шишкова, знакомит с бытом начала XX века, областной писательской организацией, литературным музеем. А затем в конференц-зале проходит первый урок литературного краеведения – писатель знакомит школьников с серией «Томская классика».

Писательский монолог вскоре переходит в живое общение ребят и педагогов с автором книг. А в заключение встречи – неизменный подарок – четырнадцать томов книг с золотым тиснением – легендарная «Томская классика». Теперь эти книги появятся в каждой школьной библиотеке Северска, а также в Самусьском лицее и Орловской средней школе.

К середине октября не менее 350 школьников из всех 17 общеобразовательных школ ЗАТО посетят Дом искусств и станут участниками другого интересного мероприятия – двухчасовой автобусной экскурсии по Томску литературному. Писатели-экскурсоводы представят их вниманию привычный областной центр в новом ракурсе, познакомят с местами, где жили, учились и творили томские классики. Расскажут о том, как Томск стал литературной столицей Сибири и стремится удержать это высокое звание по сей день.

А с нового года в утвержденной программе литературного краеведения для северских школьников – уроки по творчеству конкретных писателей из четырнадцатитомной серии, участие в творческих конкурсах проекта «Знай наших – читай наших» и клуба «Любители «Томской классики».

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Николай БРЕННИКОВ

СОН НА ХОРОШУЮ ПОГОДУ

фантастическая публицистика

Устал смертельно, хочется и нужно уснуть, дремота одолевает, а в голове теснятся заботы и в глазах рябь живых картин. Нет, чтоб такой сон случился, который придавит и думать не даст, а такой приходит, что словно бы рядом копошится, на явь похож и тянет за собой не в постель, а на улицу...

24 сентября 1864 года, в весьма тёплое время (пять градусов по Реомюру), под вечер, некий (не молодой, сорока двух лет) человек вышел из квартиры, которую вот уж месяц дешёво нанимал в Столярном переулке (за 25 рублей каждого 20-го числа), и медленно отправился, не понимая сам – куда, потому что кого-то искал, а где кого искать – не знал и остановился.

Вот, перешед через мост Кокушкин и опершись о гранит, Фёдор Михайлыч Достоевский один, бедняжка, стоит.
– Здравствуйте, Фёдор Михайлович.
– Здравствуйте.
– Позвольте пойти рядом?
– Да вы ж видите, я не иду никуда!
– Понимаю-с, беседуете с музой, не смею мешать. – Хорошо прохаживать, не привязчивый.

Себя описывать не стану, к тому же сплю и себя во сне не вижу, разве в канал посмотреть, но удовольствие в этом не нахожу, вода там зеленовато-бурая, щепа от привезённых дров и мусор, о чем современник фельетонист поспешит сообщить, что это-де отражение мимотекущих мыслей вышеречённого литератора, – побережёмся.

– Здравствуйте, Фёдор Михайлович.
– Здравствуйте. – Решительно нужно куда-либо идти, а то стану повествовать, что отставной подпоручик Фёдор Михайлов Достоевский в шестом часу пополудни памятником самому себе на Екатерининском стоял. Как изрёк Пушкин: «Он вдаль глядел. Пред ним широко...» – сказано остроумно, ибо означает конец перспективы.

– А всё-таки я скажу вам, Фёдор Михайлович, потому что вы известный писатель, владеете словом и журналом и имеете воздействие на общество. – Ушёл ведь, но вернулся. – Ходить по нашим улицам – все ноги переломаете! и экипажам смерть! Дорога просела, ну и скрепляли б камни цементом, как в Париже, но всё одно поставят на щебень, русские недотёпы, а он в копыта забивается, у лошадей ноги кровят! А то чугунную мостовую вздумали ладить, как в Нью-Йорке; грохоту им мало, только деньги даром спустят! На зиму глядя починку мостов затеяли! кое-где народ на ту сторону кое-как по баркам переходит, то же ж и дамы! так хоть бы делали по уму, а то ставят заплатки в виде пирогов прямо на грязь, гвозди вылазят и рвут дамам платья! Бездосновные люди!

– Вы в газету напишите, скорее откликнутся.
– А вы в роман вставьте! пусть поймут, что вопрос серьёзный! а то на следующую год то же и начнётся!.. Душевно рад встрече, Фёдор Михайлович, даже полегало.

Конечно, газета на своём подножном корму многое может, – почитай, что ни заметка, то вопрос, почему в нашем мире всё так обстоит и чего мы сами при этом стоим, только ответы могут быть печально различными, да и дурно выраженными. Другая забота: как поспеть за общественными требованиями, если номера журнала сразу пошли с опозданием, ведь не может поезд идти от станции до станции вовремя, коль надолго задержан ещё при отправлении, а теперь перед выходом очередной книжки да перед подпиской сломался вал в типографии, – ладно, с другой на подобный случай догадался договориться. Узнать бы имя того беса, что гадит, пусть его прокричат. Мудрёное дело – соревноваться с либеральными хватами, поднять тираж! надобно пригласить актёра Горбунова, чтоб ездил по подписчикам и вслух читал! Да как ни лады, измотают наветами, а безденежье доконает, кредиторам слуга покорный – свыше двадцати пяти тысяч долгу, из них пятнадцать тысяч горячего. «Современнику» проще – указал на радостное европейское супротив нашего задумчивого, удобного пасьянс разложит, так все и запулавали на Европу да на «Современник». Скажет студенту редактор-миллионер, законодатель демократических пристратий, владелец юных душ: ты ж, милый пых, понимаешь, как тебе мешают обскуранты, подожди, милый, гадку «Эпоху», – «то на душе его сверху и ляжет», побегит и подождёт.

Каждый пустой барабан хочет, чтоб его слушали, как глас народа, чтоб его слушали, как пророка. Это эманипированный блуд, спесь и самонадеянность, скверна и саморазрушение. Если какой-нибудь новоявленный воспитатель назовёт зло добром, наши скороспелые передовые угорелые самозванцы повторят, не задумываясь. На поверку получается, среда заела либералов пуще всех, потому как идеи у них захожие, мысли напрокат, слова пустые, разве что гульки, будто из бочки. Все либералы – собственники, хоть и с гражданской слезой и с претензией на революционное мышление; для них народ – не суть и основа, а лишь материал для западных выкроек. Прохо-

жий господин выразился справедливо: домашние потребности следует решать основательно, не рабствуя минуте. У наших же общественных авторитетов (читай: пустозвонов) деятельности достодолжной нет на уме и совести нет; ныне галдят про благородные результаты привлечения иностранных капиталов в Россию, даже землю задумали иностранцам продавать. Реформы так проводятся, будто изданы с кучей опечаток, да и что законы, когда судьи знакомы, а самую замечательную ждём, когда позволяют курить на улице – вот будет реформа так реформа!

Признаюсь в смущении, решил покурить, пока зелёный мундир не видать, а то придётся прогуляться в контору штраф платить.

– Ваше высокоблагородие! – У Вяземского притона жиган, одет-обут худо, зато фуражка франтовская – размером меньше, на маковку посажена, а голос наизрыд, глаза на лоб воздвигнул. – Вижу, что – ваше высокоблагородие! простите великодушно, пособите падшему человеку, Бог вас не оставит! позвольте вас обеспокоить на три копейки. Скажу честно, что куплю рюмку водки, однако ж приму как лекарство и выпью за ваше здоровье!

– За своё и выпейте. – Надо дать ему за откровенность. – На три копейки и чаю выпить можно или кофию, а добрая водка гривенник стоит.

– Добрая, она к доброму тянется. Скажу честно, ваше высокоблагородие, и не своими словами: впадох я в страстную пагубу и в вещественную тлю, и оттоле доньше враг мне досаждал. Однако ж я, ваше высокоблагородие, пью помалу, веду себя сдержанно, и денег нет, а запах от меня соответственный оттого, что сплю во вместительной винной бочке вместе с тёплой сабокой.

– Да вы Диоген.
– Я, ваше высокоблагородие, яко пророк в чудовищном чреве, но, каюсь, претерпел многое, а мудрости не набрался. Всем били и о печку били, только печкой не били, но поучение не извлёк: живу, как мышь, рождённая в подполье! ем прошенное, ношу брошенное... А вот вздор на себя несу, ваше высокоблагородие, простите великодушно, недавно денег прикупил и на больничном аукционе платые покойничка купил... Вот увидите, ваше высокоблагородие, вместо жалких трёх копеек даст вам Бог три рубля!

– Вот вам, друг мой, сорок копеек плотно пообедайте.
– Ваше высокоблагородие! – Всплеснул руками. – Да на такие деньги я пять раз чаю с булкой поью и с удовольствием!.. А вот вру, ваше высокоблагородие! я, конечно, водки-то выпью, но выпью гражданственно – с мыслию! А после пойду в свой хрустальный дворец, залягу спать и видеть прекрасные сны!

– Ну, друг мой, с Богом! пора мне...
– Конечно, с Богом. Вдвоём оно веселее... – Но помрачнел. – Вы простите мне мою нарочитую речь, лукав я с самим собой. Я всё понимаю, но всё принимаю – вот тут-то и есть мой глупости! тут и есть на себя самого злость! Я, губернский секретарь, с досады стал Диогеном. Искал самого себя и доискался, хотел досознаться до глубин и узрел пустоту. Но ведь и то – плод опыта и знаний, согласитесь! Но – тайна! Так тому и быть. Гордо признаю своё поражение. Я со злости нагнал на себя, что зол, ибо всех прощаю.

Не успел ответить губернского секретарю, как он пропал, не простившись, во мраке неизвестности. Окурочу обратно в коробку нужно положить, негоже на землю кидать, хоть мусора тут выше крыши. Где здешние обитатели татарину дань отдадут, страшно представить.

– С именниками вас, барин!
Не там я остановился, несомненно. Однако и мы чему-то учились:

– Извините, досточтимый, обедни не будет, мы старенькую разогрели и уж покончили. – В виду Вяземской лавры шутка хороша.

Тут Всеволода Крестовского музы живут, и вспомнил, кого ишу – Аполлона, и ежели он в Вяземскую зашёл к приятелю исповедаться – не сыскать его там. Поищем, где светлее – при Александринском театре или в Летнем саду. Однако вдруг:

– Здравствуй, Фёдор!
– Здравствуй, Аполлон!

Явление новое: тот же и Аполлон Григорьев. Как в воспоминаниях Герцена: «Бродя по улицам, мне пришёл в голову один приятель...»

– Сказали, будто Фёдор Достоевский на канале с музой беседует, ну я и сам решил пройтись. Еле нашёл тебя. Одышка у меня от этой жизни. – Лицо у Аполлона припухло, сизые мешки под глазами.

– Да не запил ли ты вновь?
– Мёртвую пью... И живую пью. Всякую... В хозяйстве моём кружка – одна. Одна! потому что по малому моему значению

ко мне никто не заходит, – Аполлон насупился. – И не стоит много важности этому придавать. Я, Фёдор, на себя негодую, не на других. Сам знаешь, в жизни я не прочен. Бесплодна она, так я думаю. Попусту трагедии ломал... всё с бухты-бархты, и ничего толком не получилось. То проповедь, то ропот. Я даже умён невпопад, задним умом крепок, сужу и ряжу по крайнему моему разумению. И мечтать мне нездорово. Но я, брат Фёдор, неприлично истинно любил! Может, за это дурь моя и запальчивость мне простятся? Я Россию любил, Бога, поэзию, женщин...

– Что ж ты о себе в прошедшем времени?
– Добрёл я, Фёдор, до края, отпала охота жить. Я б тебе подобно написал что ни то хорошее, но далече от спасения моего словеса грехопадения моих, яко вода излихся, и язык мой прильпе гортани... Черти шихи кажут. – Словно не Аполлон появился, а губернский секретарь вернулся. – Не туда я в жизни забрёл.

В подполье черти востроголовы,
А я им молвил:
«Бог вам в помощь, добрым людям!»
А черти не любят...

С тобою только и отдыхаю душой.
– Всякому своё, Аполлон, кто про лишних людей пишет, кто про новых, кто человека ищет, кто самого себя. А черти твои мне знакомы. Промышленная литература и либеральная цензура – самые располдые. Чего ради я, Достоевский, изначально неминуемо подгоняюсь под вкусы Зайцева и Антоновича? Напиши дрянь на манер «Современника» – тотчас пропустят, а если про веру и Отечество – зарежут непременно. Где я в «Записках из подполья» глумился – то пропустили, а где вывел из этого потребность веры – запретили. Читатель получил то, что я и не думал! Вот ответь, Аполлон: переспорить ли правду? Почему ж мир погряз в грязи бездуховности?..

Я в одном образованном обществе заговорил как-то про единство истины, добра, красоты и сказал, что указывает нам путь ко спасению, истинно-де красота Христова спасёт мир, и все давай толковать: «Фёдор Михайлович утверждает, что красота спасёт мир», – будто я и впрямь такое утверждал. Самое поразительное, как легко они выбросили Христа! за ненужностью удалили...

– Всё опошили, Фёдор, давно, а с Христа начали очень даже рационально. Бездну я тут вижу, Фёдор. Они душу перстами измерить хотят. Поэтическую правду они не ощущают. Мерзят мне. Я не их прихода. Идеи у них, как уличные девки, гуляют с «современной целью»...

– Кто эти они?
– Будто не знаешь? – произнёс Аполлон моим голосом.
– Знаю. В «Искре» пишут: имя нам легион. Думать не хотят, что ли? Или и в детстве Евангелие не читали? Ведь легион-то бесов! Нет нигилистов хуже семинаристов. На всю консисторию «Современника» епитимью наложит нужно.

– Опьняли они от своего авторитета. – Аполлона перекосило. – Святого ничего, и всё нороят наперёд обгадить... Пойду я. А ты, Феодор, дар Божий, не ходи со мной. Иди пиши, брат, ты умница, ты знаешь что надо. Вот Гоголь сдал себя в литературу, как в исправительное заведение, а у меня не получилось. Не получилось, служа старой правде, сказать новое слово. С моим-то подвижным умом! Грешу скверным изложением простых вещей. Статьи поспешные, халатные, нараспашку... но с засосом, верно?..

– А кем был Гоголь в своём исправительном? заключённым или начальником?

– Это ты хватко спросил. Всем он быть хотел и надорвался, в мои годы помер... Дурак Варфоломей в некрологическом поношении напишет, что у меня в мозгах фосфорного жиру не хватало, а то б светился умом, как он сам... Дай обниму тебя да пойду.

– Куда ж ты вдруг собрался?
– Да уж пора. Даст Бог, договорим, – и пропал; моргнулось, и пропал Аполлон, канул у Екатерининского.

Не удаётся отдохнуть, всё время что-то решаю без очевидных итогов – наяву ль, во сне ли, и что-то смутно хорошее брезжит в сегодняшнем его мареве и не помнится. С памятью худо, а многое и забыл бы с удовольствием, да не получится; иная дрянь торчит в голове, как в каждом газетном номере зубной врач Вагенгейм – вставление зубов на американском каучуке, никакого металла, цены умеренные. Не успеваю ничего, хоть и сплю по пять часов, да и не сон это, а дрема с продолжением вчерашней маеты и с ожиданием завтрашней, а если привидится сон, то не последовательный, не логичный, странный и даже не художественный. Душевно желаю, чтоб он был хотя бы на хорошую погоду, на большее не загадываю, и пусть назавтра будет добрый день, может, не такой, как хочется Аксакову, но будет.

«МАСТЕРСКАЯ» ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ.